

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6>

UDC 130.122
LBC 87.722

Submitted: 11.11.2022
Accepted: 25.11.2022

ENERGETIC MOTIVES IN THE TRANSLATION OF SPIRITUAL TRADITION

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of the content and forms of translation of the Orthodox spiritual tradition, the core of which is the energy paradigm of hesychasm. It is shown that literature is an important channel for the transmission of spiritual tradition. The Russian literary tradition presents religious and educational works of Orthodox ascetics, as well as artistic works that have a Christian orientation and are based on theological and evangelical texts. An important role in maintaining the spiritual tradition of Orthodoxy was played by the development of the concept “righteous man” in the literature. His verbalization was influenced by the Christian religion. This concept has become a fundamental cultural constant. Thanks to the concept of the righteous, writers who were critical of Orthodox Christianity were able to use righteousness instead of holiness and describe less exalted examples of spiritual experience. The images of the righteous are based not on typification of the experience of real people, but on orientation to a moral ideal. Representatives of religious literary studies describe the behavior of the righteous in the paradigm of “spiritual realism”. This allows us to take into account the mystical coloring of the actions and events of the righteous. There are two channels for broadcasting the Orthodox spiritual tradition: inside the Orthodox world and outside it, that is, in new cultural spaces. The reasons for the popularity of Orthodox ideas in the West at the beginning of the twentieth century are shown. This contributed to the penetration of the practice of continuous prayer into Catholicism, Lutheranism, Anglicanism, as well as into religious groups outside Christianity. The nature of attempts to adapt the practice of continuous Jesus prayer in a foreign cultural environment is described.

Key words: spiritual tradition, spiritual practice, literature, righteousness, righteous person, energy approach, Jesus prayer.

Citation. Tokareva S.B. Energetic Motives in the Translation of Spiritual Tradition. *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 60-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6>

УДК 130.122
ББК 87.722

Дата поступления статьи: 11.11.2022
Дата принятия статьи: 25.11.2022

ЭНЕРГИЙНЫЕ МОТИВЫ В ТРАНСЛЯЦИИ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университета, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена проблема содержания и форм трансляции православной духовной традиции, ядро которой составляет энергийная парадигма исихазма. Показано, что важным каналом передачи духовной традиции является литература. В русской литературной традиции представлены как религиозно-просветительские сочинения православных подвижников, так и художественные произведения, имеющие христианскую направленность и опирающиеся на богословские и евангельские тексты. Важную роль в поддержании духовной традиции православия сыграла разработка в литературе концептов, вербализация которых происходила под влиянием христианской религии. Наиболее значимым концептом, превратившимся в фундаментальную культурную константу, стал концепт «праведничество». Введение образа праведника позволило писателям, критично относившимся к ортодоксальному христианству и отрицавшим посредническую роль Церкви в деле богообщения, использовать замену святости праведностью для описания «сниженных» образцов духовного опыта. Образы праведников не столько формировались на основе типизации опыта реальных людей, сколько были ориентированы на нравственный идеал. В рамках религиозного литературоведения поведение праведников описывается в парадигме «духовного реализма», позволяющего учи-

тывать мистическую окраску поступков и событий. Выделены два канала трансляции православной духовной традиции: внутри православного мира и за его пределами в новых культурных пространствах. Показаны причины популяризации православных идей на Западе в начале XX в., что имело следствием проникновение исихастской практики непрерывной молитвы в католичество, лютеранство, англиканство, а также в религиозные группы за пределами христианства. Описан характер попыток адаптации практики непрерывной Иисусовой молитвы в инокультурной среде.

Ключевые слова: духовная традиция, духовная практика, литература, праведничество, праведник, энергичный подход, Иисусова молитва.

Цитирование. Токарева С. Б. Энергичные мотивы в трансляции духовной традиции // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 60–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.6>

Своеобразный «религиозный ренессанс», начавшийся в России в постперестроечный период, вызвал не только всплеск интереса к русской духовной традиции, но и стал причиной поиска в философии и социально-гуманитарном знании новых подходов для ее концептуализации. На этой волне в качестве отдельных направлений выделились: «религиозное литературоведение» [Золотухина 2008; Касаткина 2001а; Касаткина 2001б; Котельников 1994; Круглый стол... 2006; Любомудров 2008; Тарасов web], представители которого заложили основы новой концептуальной трактовки русской литературы, требующей учитывать христианские истоки творчества русских писателей; энергичная антропология – концептуальный подход, в котором «духовная практика конституируется как феномен» [Хоружий 1999]; христианская (православная) психология и антропология [Братусь 2015; Василюк 2015а; Василюк 2015б], нацеленные на концептуальное освоение «глубочайшего опыта душеведения и душепопечения, накопленного православной духовной традицией» [Василюк 2015а, 50]. При этом центром тяготения всех подходов выступает опыт философской концептуализации. Даже литературоведение, которое всегда «имеет дело не с анализом вариантов некоторой парадигмы высказываний, а с оригинальным, особенным текстом» [Цурганова 1999, 3] в своем стремлении выявить общую христианскую направленность русской классической литературы, скрытое в ней богословие, опору на евангельские заповеди превращается в разновидность философского мышления [Мартынова 2001, 59].

Определения духовной традиции грешат тавтологичностью и в силу этого недоопределенностью. Обычно под ней подразумевают те явления культурной среды, которые

обеспечивают хранение, воспроизводство и трансляцию некоторого «духовного фонда», в том числе «высших духовных состояний». Указывая на размытость представлений о духовной традиции, духовном наследии, духовной культуре, С.С. Хоружий предлагает процедуру превращения такого рода понятий в базовые концепты через привязку их к конкретной, имеющей «эмпирические очертания» духовной практике [Хоружий 2018]. Для православной традиции таким ядром концептуализации выступает духовная практика исихазма как энергичная антропологическая стратегия, имеющая конечной целью обожение человека. Соответственно, духовной средой, обеспечивающей продуцирование, хранение, воспроизводство и трансляцию новым поколениям органа исихастского опыта обожения, является православная духовная традиция.

Передача православной традиции в ее полноте охватывает сакральные и обрядовые элементы, институциональные формы и паттерны религиозного поведения, а также духовные практики как формы организации «живого» религиозного опыта. Его сердцевиной и мистическим центром является непрестанная Иисусова молитва как часть разработанного православными монахами «умного делания», составляющего мистическое ядро православия. Этот специфический вид антропологического опыта «отверзания» новых чувств – «умных», «сверхприродных», «духовных», «внутренних» [Хоружий 1999] – зародился в монашеской среде и впоследствии получил распространение также среди мирян. В русскую культурную традицию опыт безмолвной молитвы, ведущей к созерцанию Божественного света, вошел благодаря литературе. Литературным источником, из которого широкие массы чер-

пали сведения об исихастской практике «умного делания», стала анонимная повесть «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» [Откровенные рассказы... 2022] – памятник русской аскетической письменности второй половины XIX века. Изложенная в ней практика непрерывной Иисусовой молитвы восходит к описаниям монастырских авторов VI в., собранных в «Добротолубии» и «Лествице Божественного восхождения» и дополненных впоследствии св. Паисием Величковским, свт. Игнатием Брянчаниновым, св. Никодимом Святогорцем. Повесть написана в жанре духовно-просветительской литературы, который был очень востребован в этот период в самых разных сословиях. Широкое хождение получило третье издание повести, отредактированное и подготовленное к печати Феофаном Затворником (Казань, 1884).

Русская литература изначально формировалась как духовная и религиозная, а писатели воспринимались как духовные наставники, что вызывало пристальное внимание к их личности и нравственному облику. Даже в период обособления в XVII в. культуры от веры в русской словесности не ослабевал интерес к духовной жизни человека, а присущий ей «христоцентризм» сохраняется даже в случае отклонения от буквы церковно-христианских источников [Есаулов 2004; Есаулов 2012]. Связь с православием и евангельской проповедью сохранялась и в последующие периоды (включая советский) [Сотков 2017, 3], что нашло отражение во внимании к духовным и нравственным вопросам, в поиске жизненной правды, истины и нравственного идеала.

Важную роль в поддержании духовной традиции сыграла разработка в литературе концептов, вербализация которых происходила под влиянием христианской религии. Среди тех концептов, которые превратились в фундаментальные культурные константы и каналы трансляции православной традиции, важнейшее значение имеет коррелятивная пара «святые и праведники», которую Ю.С. Степанов относит к постоянно существующим концептам отечественной культуры. Это дало основание характеризовать русскую литературу XIX века как «опыт художественного моделирования мира праведничества» [Кашкарёва, Щелкунова 2016, 11]. При этом в концепт

«праведность» был включен широкий круг преимущественно неканонических коррелятов, что позволило литературоведам советского периода описывать праведничество в секулярной, гуманистической традиции, видеть в нем «поэтическую условность реалистического искусства, выражающую протест против богатых, утверждение правды должного только лишь как идеальной правды народного предания и только в выработанных этим преданием формах иносказания (притчи, легенды, сказки) и в их религиозной символической» [Тарасов web].

Праведники предстают одиночками, не составляющими группу в социологическом понимании, поэтому их типизация не могла обойтись без апелляции к идеалу. Праведник как тип, воплощенный в художественном образе, является результатом особого вида обобщения – соединения в одном герое ряда типических черт, которые художник не столько подсматривает и выделяет у конкретных людей, сколько извлекает из идеала святости или нравственного совершенства. Истоки общности праведников не в социальности, а в сфере нравственности. Поэтому в индивидуализированном образе средоточием типического выступает характер героя – совокупность характерологических свойств личности, определяющих ее мировоззрение, жизненную направленность, мотивацию поведения, ценностные ориентации, социальные функции-роли. То, что такие персонажи появляются в конце XIX в. в творчестве целой плеяды писателей (у Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского и других) является свидетельством настоящей потребности в поисках нравственного совершенства.

Русская литература выступает одним из основных каналов трансляции православной духовной традиции несмотря на то, что творчество практически каждого русского писателя не отвечает догматам православия. В особенности ярко это проявилось в произведениях Н.С. Лескова и Л.Н. Толстого, которые относились к ортодоксальному христианству более чем критично. В самом отношении к праведникам как единственной верной опоре в жизни на земле проявлялась их разочарованность Церковью, отрицание ее посреднической роли в деле богообщения и

стремление подменить святость нравственностью [Дунаев 2003, 371].

Выявление в художественных произведениях христианских смыслов и символов предполагает использование в литературоведческом и философском анализе расширительных трактовок христианства, включающих нетрадиционные смыслы, а иногда и не совместимые с православием системы ценностей. При этом Т.А. Касаткина обращает внимание на необходимость учитывать тот факт, что «философия и богословие писателя/поэта ... никогда не присутствуют в текстах выраженные прямыми словами», не выписываются «посредством простого цитирования», не вычленяются из художественных текстов как их «составляющая», но выступают для этих текстов как их «основа и художественный итог» [Касаткина 2019, 97–98]. У Достоевского, например, евангельские тексты не представлены цитатами, но вплетены в прямую речь героев и в авторский текст. Символические отсылки к энергичному богословию могут выражаться в широком использовании метафоры света. Так, Достоевский для описания праведников использует выражения «светоносный образ», сравнивает их с «вытеснением темноты Божественным светом», с «проступанием света из темноты». Таким образом, содержащиеся в тексте христианские смыслы выявляются через герменевтические процедуры, что приводит к большому разбросу мнений и оценок. Одни исследователи видят в поздних произведениях Л.Н. Толстого поновому понятое христианство, обвиняя его в духовном экуменизме, другие считают конфликт писателя с церковью малозначимым; одни объявляют Н.С. Лескова «подлинным христианином», в творчестве которого отразилось православное понимание праведничества, другие усматривают в его героях-праведниках черты представителей «русского разномыслия» – молокан, духоборов, штундистов (которых сам писатель, с юности знакомый с различными изводами христианства, считал частью общего христианского русского мира и высоко ценил за искренность и бескомпромиссное желание жить по Слову Божьему) [Ильинская 2010].

Противоречивые трактовки в контексте оценки возможного и невозможного, реально-

го и вымышленного получают также поступки праведников. Одни исследователи считают их немотивированными, оценивают как гиперболу и обвиняют писателей в отступлении от принципа реализма [Купреянова 1966]. Другие полагают, что оценивать реальное/вымышленное в художественном изображении религиозной действительности необходимо с позиций особого «духовного реализма» характерного для тяготеющих к православию писателей [Алексеев 2007]. Характер человеческих поступков в этом случае кардинально меняется, поскольку писатель отражает духовную (а не только психологическую и эмоциональную) жизнь личности, «реальность присутствия Бога в мире», которая меняет представления о возможном и невозможном [Любомудров 2001]. То, что для мистически ориентированного религиозного сознания является реальным, с позиций светской науки может оцениваться как гипербола и отступление от реализма. Таким образом, искусствоведческое прочтение и интерпретация художественного текста предполагают известную свободу трактовки исследователем авторского идейного замысла.

Художественная литература традиционно играет важную роль не только в передаче духовного наследия в родной культуре, но и в ассимиляции духовных традиций за пределами породившей их среды и укоренении их в новых культурных пространствах. Благодаря вплетению религиозных практик и их культурного контекста в ткань сюжета и жизнь персонажей читатель переживает и усваивает транслируемые религиозные символы, о которых М. Элиаде говорит как о «несущих священное» в разные сферы человеческой жизни.

В отличие от русской культуры, в западной интеллектуальной среде в эпоху Просвещения произошел разрыв между религиозной и литературной традициями. Другим важным фактором стала религиозная глобализация и необходимость для западного христианства противостоять идеологии религиозной толерантности, ориентированной на либеральный диалог религий, признаваемых равноправными и равнозначными. Опыт этого противостояния для христианства не нов, поскольку его становление происходило на фоне религиозного

синкретизма Римской империи (с пиком в III–IV вв.). Затем в эпоху Возрождения великие географические открытия способствовали резкому всплеску межкультурной и межрелигиозной коммуникации. В начале XX в. вследствие упадка христианства в западном мире в Европе и Америке начинается широкомасштабный импорт различных религиозных систем и духовных практик с Востока. При этом утверждаемая религиозной глобализацией свобода не предусматривает никаких заслонов и фильтров, противодействующих религиозно-культурному импорту. Культурные и религиозные заимствования в Европе становятся обычной практикой, которую К. Юнг объяснял потребностью западного духа в надежном мировоззренческом и психологическом фундаменте: «Отсутствие духовной ориентации граничит у нас с психической анархией, поэтому любая религиозная или философская практика равнозначна хоть какой-то *психологической дисциплине*; иными словами, это *метод психической гигиены*» [Юнг 1994, 38]. Тяга европейского сознания к поиску практической духовной опоры полнее всего удовлетворялась восточными учениями. Так, популярность йоги на Западе К. Юнг объяснял следующими ее чертами: притягательностью новизны; очарованием незнакомого и «полупонятного»; четкой формулировкой цели и путей ее достижения; наличием глубокой и стройной философии; возможностью получать контролируемый опыт, создающий впечатление привычной для западного интеллекта «фактичности» [Юнг 1994].

На этой волне в первой половине XX в. на Западе возрос и интерес к православию. Популяризации православных идей способствовала также эмиграция из России духовенства и интеллигенции, приложивших много усилий для издания многочисленных переводов православной духовной литературы. Это привело к тому, что исихастской практикой «умной молитвы», которая в начале XX в. вышла за стены монастырей, стали интересоваться за пределами православия, благодаря чему она проникла в католичество, лютеранство, англиканство, а также в религиозные группы за пределами христианства. Особо привлекала практика непрерывной Иисусовой молитвы энтузиастов «духовных исканий»,

которые видели в ней один из способов развития необычных (на грани сверхъестественного) физических и психических способностей.

В пространстве духовного синкретизма происходила своеобразная унификация заимствованных духовных практик, в результате чего они утрачивали те функции и то своеобразие, которые имели на своей родной религиозной почве. В неправославных источниках исихастский опыт непрерывной молитвы стремились представить как неотъемлемую часть общехристианского и даже общечеловеческого наследия и считали его распространение пределами православного мира вполне органичным. Западное сознание оказалось всеядным потребителем всего, что обнаруживалось в других религиях, привлеченных на «свободный рынок» духовных традиций. Стремление к гибридизации духовных практик свидетельствует о господстве в западной культуре модернистского, антитрадиционного сознания, о том, что традиции перестали фундировать и определять жизнь человека и общества [Джонсон 2015, 162].

Знакомство с практикой непрерывной Иисусовой молитвы оказало влияние на различные стороны европейской культурной жизни, включая художественную литературу. Благодаря последней мы можем составить представление о характере попыток приспособить практику «умной молитвы» к инокультурной среде. Ярким примером может служить книга Дж. Сэлинджера «Фрэнни и Зуи» (вышедшая в 1961 г. и объединившая рассказ «Фрэнни» и повесть «Зуи») [Сэлинджер 2017]. Героиня рассказа Фрэнни Гласс знакомится с повестью «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», которая производит на нее сильное впечатление. Описываемую в книге практику непрерывной Иисусовой молитвы она воспринимает по аналогии со сходными практиками повторения имени бога в других религиозных традициях. В непрестанном повторении Иисусовой молитвы ей видится чисто «механический» эффект. Из объяснения героини понятно, что она не воспринимает Иисусову молитву как диалог с Богом и ей кажется привлекательный именно автоматизм действия молитвенного правила. Попытки «погружения» Фрэнни в молитву оборачиваются состоянием транса, пугающим ее родных.

В повести «Зуи» Сэлинджер описывает выведение Фрэнни из этого состояния и последующий ее разговор с братом, заканчивающийся «развенчанием» Христа.

Энергичность как «общий знаменатель» духовных практик не исключает, а предполагает их смысловую, качественную дифференциацию. Духовная традиция оказывает решающее влияние на трактовку ключевых компонентов духовной практики: так, в понимании молитвы на разных полюсах интерпретации оказываются признание за молитвой автоматизма действия и понимание молитвы как осмысленного диалога с Богом, о котором говорит Феофан Затворник: «Молитва Иисусова, если ее механически творить, ничего не дает, как и всякая другая молитва, языком только проговариваемая. <...> Дело совсем не в словах, а в чувствах к Господу» [Феофан Затворник web]. Столь же различно обстоит дело с пониманием общехристианского характера Иисусовой молитвы: признание его может быть продуктом синкретического подхода, а может выводиться из призыва апостола Павла «Непрестанно молитесь», обращенного одинаково к монахам и мирянам. Православная духовная традиция, выступающая необходимым условием осознанности религиозного опыта как «энергичной» связи человека с Богом, нуждается в дальнейшей концептуализации, которая должна оставаться многовекторной, включающей как прояснение ее антропологических и психологических оснований, так и связь с литературной традицией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 2007 – Алексеев А.А. Истоки духовного реализма в русской классической литературе // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики): сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 223–234.
- Братусь 2015 – Братусь Б.С. Христианская психология как научное направление: к истории вопроса // Национальный психологический журнал. 2015. № 3 (19). С. 4–14.
- Василюк 2015а – Василюк Ф.Е. Христианская психология: «история» и «география». Консультативная психология и психотерапия. Статья 1. Опыт периодизации. 2015. № 5 (89). С. 49–63.
- Василюк 2015б – Василюк Ф.Е. Христианская психология: «история» и «география» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5 (89). С. 64–90.
- Джонсон 2015 – Джонсон К. Иисусова молитва в православной традиции и ее заимствование за пределами православия // Фонарь Диогена. Человек в многообразии практик. 2015. № 1. С. 158–174.
- Дунаев 2003 – Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч. 4. М.: Христианская литература, 2003.
- Есаулов 2004 – Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Круг, 2004.
- Есаулов 2012 – Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Алетейя, 2012.
- Золотухина 2008 – Золотухина О.Ю. «Христианство и русская литература» – основные научные подходы к проблеме // Сибирское медицинское обозрение. 2008. № 2 (50). С. 108–116.
- Ильинская 2010 – Ильинская Т.И. Русское разное в творчестве Н.С. Лескова. СПб.: Невский институт языка и культуры, 2010.
- Касаткина 2001 – Касаткина Т.А. О литературоведении, научности и религиозном мышлении // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С. 459–466.
- Касаткина 2001 – Касаткина Т.А. Слово, творящее реальность, и категория художественности // Литературоведение как проблема. М.: Наследие, 2001. С. 301–346.
- Касаткина 2019 – Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019.
- Кашкарева, Щелкунова 2016 – Кашкарева А.П., Щелкунова А.С. Тип героя-праведника в творчестве Н.С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Международ. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016. С. 11–13.
- Котельников 1994 – Котельников В.А. Православная аскетика и русская литература (на пути к Оптиной). СПб.: Призма-15, 1994.
- Круглый стол... 2006 – Круглый стол «Религиозное литературоведение: обретения и утраты» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 3. С. 90–146.
- Купреянова 1996 – Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н. Толстого. М.; Л.: Наука, 1966.
- Любомудров 2001 – Любомудров А.М. О православии и церковности в художественной литературе // Русская литература. 2001. № 1. С. 107–124.
- Любомудров 2008 – Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры

- ры в художественной литературе // Вестник славянских культур. 2008. № 1–2. С. 113–120.
- Мартыанова 2001 – Мартыанова С.А. Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс). М.: ИНИОН РАН, 2001.
- Откровенные рассказы web – Откровенные рассказы странника духовному своему отцу (неизвестные авторы) [Художественная литература] // <https://azbyka.ru/fiction/otkrovennye-rasskazy-strannika-duhovnomu-svoemu-otcu>
- Сотков 2017 – Сотков В.А. Феномен праведничества в прозе И.С. Шмелева 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2017.
- Сэлинджер 2017 – Сэлинджер Дж. Д. Фрэнни и Зуи. М.: Эксмо, 2017.
- Тарасов web – Тарасов А.Б. Духовная жизнь человека: современный опыт научного осмысления (религиозное литературоведение) [Знание. Понимание. Умение. 2007. №1] // http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Tarasov_AB/
- Феофан Затворник web – Феофан Затворник. Наставления в духовной жизни // https://prihod.rugraz.net/assets/pdf/Svjatitel_Feofan_Zatvornik-Nastavlenija_v_duhovnoj_zhizni.pdf
- Хоружий 1999 – Хоружий С.С. Заметки к энергичной антропологии. «Духовная практика» и «отверзание чувств»: два концепта в сравнительной перспективе // Вопросы философии. 1999. № 3. С. 55–84.
- Хоружий 2018 – Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Ин-т Святого Фомы, 2018.
- Цурганова 1999 – Цурганова Е.А. Введение // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: энцикл. справ. М.: Интрада – ИНИОН, 1999. С. 3–11.
- Юнг 1994 – Юнг К. Йога и Запад // Юнг К. О психологии восточных религий и философий. М.: Медиум, 1994.
- Psychotherapy. Article 1. The Experience of Periodization*, no. 5 (89), pp. 49-63.
- Vasilyuk F.E., 2015. Christian Psychology: “History” and “Geography”. *Counseling Psychology and Psychotherapy. Article 2. Space Marking*, no. 5 (89), pp. 64-90.
- Dzhonson K., 2015. The Jesus Prayer in the Orthodox Tradition and Its Borrowing Outside of Orthodoxy. *Fonar’ Diogena. Chelovek v mnogoobrazii praktik*, no. 1, pp. 158-174.
- Dunaev M.M., 2003. *Orthodoxy and Russian Literature. V 6 ch. Ch. 4*. Moscow, Hristianskaya literatura.
- Esaulov I.A., 2004. *Paschality of Russian Literature*. Moscow, Krug Publ.
- Esaulov I.A., 2012. *Russian Classics: A New Understanding*. Saint Petersburg, Aletejya Publ.
- Zolotuhina O.Yu., 2008. “Christianity and Russian Literature” – The Main Scientific Approaches to the Problem. *Sibirskoe medicinskoe obozrenie*, no. 2 (50), pp. 108-116.
- Il’inskaya T.I., 2010. *Russian Dissent in the Work of N.S. Leskova*. Saint Petersburg, Nevskij institut yazyka i kul’tury.
- Kasatkina T.A., 2001. On Literary Studies, Scientific and Religious Thinking. *Literaturovedenie kak problema*. Moscow, Nasledie Publ., pp. 459-466.
- Kasatkina T.A., 2001. The Word That Creates Reality and the Category of Artistry. *Literaturovedenie kak problema*. Moscow, Nasledie Publ., pp. 301-346.
- Kasatkina T.A., 2019. *Dostoevsky as a Philosopher and Theologian: An Artistic Way of Saying*. Moscow, Vodolej Publ.
- Kashkareva A.P., Shelkunova A.S., 2016. The Type of Righteous Hero in the Works of N.S. Leskov (On the Example of the Story “Non-Deadly Golovan”). *Aktual’nye problemy filologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar, fevral’ 2016 g.)*. Krasnodar, Novaciya Publ., pp. 11-13.
- Kotel’nikov V.A., 1994. *Orthodox Asceticism and Russian Literature (On the Way to Optina)*. Saint Petersburg, Prizma-15 Publ.
- Round Table “Religious” Literary Criticism: Gains and Losses. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, no. 3, pp. 90-146.
- Kuprejanova E.N., 1966. *Aesthetics L.N. Tolstoy*. Moscow; Leningrad, Nauka Publ.
- Lyubomudrov A.M., 2001. On Orthodoxy and Churchness in Fiction. *Russkaya literatura*, no. 1, pp. 107-124.
- Lyubomudrov A.M., 2008. Spiritual Realism as a Reflection of Religious Culture in Fiction. *Vestnik slavyanskih kul’tur*, no. 1-2, pp. 113-120.

REFERENCES

- Alekseev A.A., 2007. The Origins of Spiritual Realism in Russian Classical Literature. *Klassicheskaya slovesnost’ i religioznyj diskurs (problemy aksiologii i poetiki): sb. nauch. st.* Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 223-234.
- Bratus’ B.S., 2015. Christian Psychology as a Scientific Direction: To the History of the Issue. *Nacional’nyj psihologicheskij zhurnal*, no. 3 (19), pp. 4-14.
- Vasilyuk F.E., 2015. Christian Psychology: “History” and “Geography”. *Counseling Psychology and*

- Mart'yanova S.A., 2001. Value Aspects of Russian Classics of the 19th Century in Literary Criticism of the Twentieth Century. *Nauka o literature v XX veke (istoriya, metodologiya, literaturnyj process)*. Moscow, INION RAN.
- Frank Stories of a Wanderer to His Spiritual Father*, 2022. Moscow, Hudozh. lit. Publ. URL: <http://www.azbyka.ru/fiction/otkrovennye-rassказы-strannika-duhovnomu-svoemu-otcu>
- Sotkov V.A., 2017. *The Phenomenon of Righteousness in the Prose of I.S. Shmelev 1920-1930s. Cand. philol. sci. diss.* Saransk.
- Selindzher Dzh.D., 2017. *Franny and Zooey*. Moscow, Eksmo Publ.
- Tarasov A.B., 2007. Spiritual Life of Man: Modern Experience of Scientific Comprehension (Religious Literary Criticism). *Znanie. Ponimanie. Umenie (elektronnyj zhurnal)*, no. 1. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Tarasov_AB
- Feofan Zatvornik. *Instructions in the Spiritual Life*. URL: http://www.prihod.rugraz.net/assets/pdf/Svjatitel_Feofan_Zatvornik-Nastavlenija_v_duhovnoj_zhizni.pdf
- Horuzhij S.S., 1999. Notes on Energy Anthropology. "Spiritual Practice" and "Rejection of the Senses": Two Concepts in a Comparative Perspective. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 55-84.
- Horuzhij S.S., 2018. *Experiences from the Russian Spiritual Tradition*. Moscow, In-t Svyatogo Fomy.
- Curganova E.A., 1999. Introduction. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SSHA): koncepcii, shkoly, terminy: encikl. sprav.* Moscow, Intrada – INION Publ.
- Yung K., 1994. Yoga and the West. *O psihologii vostochnyh religij i filosofij*. Moscow, Medium Publ., 1994.

Information About the Author

Svetlana B. Tokareva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>

Информация об авторе

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tokareva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4274-6444>